

27 ИЮН. 1945

Памятный день моей жизни

Вы просите меня рассказать о том, какие свойства характера всего более помогли мне в жизни.

Я расскажу вам о самом памятном для меня дне, и вы сами поймете, что помогло мне тогда.

К театру меня влекло с самых ранних лет. Когда учился в гимназии, играл в гимназических спектаклях; играл в любительских кружках, когда был студентом Петербургского университета. Куда большие чувствовал себя актером, нежели юристом. Уже в ту пору публика «принимала» меня, да и сам я считал себя почти что заправским актером. В клетчатых штанах, цилиндре на голове и в огненно-рыжем пальто явился я в 1897 году в Казань, в труппу антрепренера Бородай. Казань приняла меня тепло. Через год я стал здесь чем-то вроде премьеры. Но вот в январе 1900 года получаю приглашение из Москвы в Художественный театр.

Ехать всячески отговаривали: «Театр плохой, актеров нет — все мальчишки-ученики, любители; режиссеры — выдумщики, денег нахватили у московских купцов и мудрят для своей потехи». А Бородай прибавлял: «Куда вас тянет, в «любительщину»? Да вы там погибнете, да я ж из вас ессероссийскую знаменитость через год сделаю». Но в Москву я все-таки уехал.

Приехал. Труппа встретила меня настроенно, ждали дебюта. Я решил показать себя в «Смерти Ивана Грозного». Думал, что смогу сыграть с двух, трех репетиций (роль Бориса Годунова была мне знакома, я с успехом исполнил ее в Казани). На репетиции, как это было тогда принято среди «уважающих себя» актеров, я решил просто пробормотать роль, а уж на дебюте заиграть во-сю. Какое же было мое удивление, когда я увидел, что на первой же репетиции все, начиная от исполнителей крупных ролей до тех, чья роль состояла всего лишь из нескольких слов, заиграли по-настоящему. Заиграл и я — и сразу же почувствовал, как я по сравнению с остальными ходулен и декламационно напыщен. Это было страшно, а главное — непонятно.

Закрытый дебют кончился, но радости в душе не было, не было веры в то, что сыграл хорошо, что так нужно. Очевидно, я провалился. Слова Р. С. Станиславского и К. И. Немировича-Данченко подтвердили самые худшие мои опасения. Вернее, они были еще беспощаднее. Смысл свершившегося был таков: дебют показал, насколько мы — театр и я — чужие друг другу, говорим на совершенно разных языках. Мои новые режиссеры не ожидали, что за какие-нибудь три года, что я на сцене, можно было приобрести столько дурного и так укрепиться в нем. «В том виде, какой вы из себя сейчас представляете как актер, — сказал мне Константин Сергеевич, — к сожалению, мы воспользоваться вами не можем. Может быть, со временем вы сделаетесь нашим актером». Я был убит, что-то оборвалось во мне с этими словами. Многие надо было пе-

реценить заново, от многого отказаться. Я растерялся. Актерское самолюбие подсказывало мне выход: бежать туда, где меня примет с распростертыми объятиями, бежать назад в провинциальные театры.

Но я уже чувствовал какую-то новую правду, правду Художественного театра, — я я остался. Было трудно. Были минуты настоящего отчаяния, когда казалось, что все равно ничего не выйдет, и в то же время не верилось, что это конец. Думалось, что еще многое смогу изменить в себе, многое смогу еще сделать. И было желание раскрыть те внутренние силы, которые скопала во мне провинциальная сцена. И я уже понимал, что это возможно только здесь, только в этом театре. Я остался, хотя не был занят в готовившемся спектакле, — это была «Снегурочка». Я не мог пропустить буквально ни одной репетиции. Я первый приходил сюда, хотя никто меня не вызывал, и последний уходил. Я много думал, смотрел, запоминал. Я учился у исполнителей самых маленьких ролей и чувствовал, как с каждым днем раскрываются мои глаза, как я начинаю видеть в театре то, чего никогда в нем и не подозревал.

Так прошло два месяца. Репетиции продолжались. Не ладилось только с ролью Берендея. Мне казалось, что Константин Сергеевич все время присматривается ко мне, видит, что со мной происходит. И когда он предложил мне сыграть на репетиции Берендея, я с радостью согласился. Мне кажется, что я поймал нужное, почувствовал внутреннюю правду, правду глубокого душевного переживания. Я сыграл на репетиции роль Берендея. Для меня этот день был днем величайшего испытания. И те слова, которыми подарили меня Константин Сергеевич и Владимир Иванович, — самое драгоценное достояние моей жизни. «Это — чудо. Вы наш. Вы все поняли. Поняли самое главное в искусстве нашего театра. У нас есть парь Берендей». Станиславский крепко меня обнял и поцеловал. С каким волнением и благодарностью вспоминаю я Константина Сергеевича и Владимира Ивановича, учителей и самых близких друзей моих. Да и, пожалуй, трудно найти в моей жизни день, который принес бы мне самому большее удовлетворение. Ведь в том, что произошло, нечто сделал и я сам, не только как актер, но и как человек. Что помогло мне тогда? Мне кажется, что очень важно не опускать рук при первой неудаче. И если она случайна — преодолеть, пережить ее, а если она закономерна — извлечь из нее уроки. Ведь это многое может изменить в жизни, во многом помочь. Я нашел свое место в искусстве и в жизни, это место было здесь, в дружном славленном коллективе Художественного театра.

С тех пор прошло немало лет. Судьба баловала меня в этом, моем дорогом, моем единственном театре и много радостного принесла мне, но именно тот день — самый «большой» день в моей жизни.

Народный артист СССР
В. И. КАЧАЛОВ.